

Нулевая степень репрезентации

Жан-Франсуа Лиотар. Либидинальная экономика / Пер. с фр. В.Е. Лапицкого, науч. ред. перевода С.Л. Фокин. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара, 2018. — 472 с.

В РАМКАХ серии «Новое экономическое мышление» Издательства Института Гайдара опубликован русский перевод одного из самых показательных текстов французской левой мысли 1970-х годов — «Либидинальной экономики» Жана-Франсуа Лиотара. Эта работа относится к раннему его периоду и является, подобно «Анти-Эдипу» Делёза и Гваттари, своеобразным философским манифестом событий 1968 года.

Экспериментальный департамент философии Университета Нантерра (сегодня департамент философии Университета Париж VIII) был создан французскими властями вскоре после событий 1968 года. По всей вероятности, подобная уступка левому движению была продиктована стремлением очистить национальную систему образования от подрывных элементов, локализовав их на одной площадке. Департамент формировался по политическому принципу: каждая некоммунистическая марксистская группировка делегировала своего представителя. В числе преподавателей оказались троцкисты, маоисты, анархисты и некоторое количество «независимых». Лиотар, примыкающий к группе «Социализм или варварство», пришел в департамент позже других и был принят с осторожностью (члены группы критически относились к Советскому Союзу, являясь проводниками идей Ханны Арендт во Франции). По свидетельству очевидцев, случалось, что Лиотар становился жертвой политического «возмездия» в духе того времени — его закидывали остатками еды прямо на занятиях.

Книга Лиотара была опубликована в 1974 году, то есть через два года после «Анти-Эдипа» Делёза — его коллеги по департаменту. Хотя по радикальности идей и языка эти труды вполне сопоставимы, «Либидинальной экономике» суждено было остаться в тени делёзовской книги.

Задача, которую ставит себе Лиотар, состоит в критике репрезентации в любых ее проявлениях. Идеи, которые получают развитие в «Либидинальной экономике», уже содержатся в докторской диссертации Лиотара — работе «Дискурс и изображение»¹, достаточно академическом в целом исследовании по семиотике живописи в ее, семиотики, «постструктуралистской» версии. Лиотар здесь интересуется живописными элементами, которые не участвуют в процессе репрезентации, но существуют сами по себе как «ничего не значащие». Если трехмерная ренессансная перспектива является классической семиотической системой, то Лиотар указывает на ее «сбои», на те элементы, которые ускользают от полного кодирования (облака в пейзаже и т. д.). То, что не вписывается, не укладывается в систему и выходит наружу, подобно магме на изломе тектонических плит, автоматически отождествляется у Лиотара с политической революционностью.

Само направление поисков Лиотара в этот момент не отличается от направления поисков мыслителей его поколения — позднего Барта, Деррида, Делёза, Кастириадиса. Однако, в отличие от этих современников, работам Лиотара свойственна определенная схематичность и даже сухость. За многообразием деталей и художественностью текста во всех работах Лиотара, вплоть до самых поздних трудов по Канту и проблеме возвышенного, неизменно присутствует схема знака Романа Jakobsona. Эта схема будет применяться к различным культурным и политическим феноменам и рассматриваться под разными углами: в нее укладываются и лиотаровский интерес к «сырой материальности» в искусстве, и его тезис о том, что с появлением новых технологий «материя» полностью утрачивает способность к сопротивлению «форме»².

В «Либидинальной экономике» Лиотар синтезирует идеи Маркса и Фрейда, прочитывая их сквозь призму Jakobsonовской схемы. Он размышляет о полном отсутствии репрезентации, о ситуации, когда вещи существуют сами по себе, а не в качестве знаков, отсылающих к чему-то более важному и полезному, чем они сами. Любая репрезентация начинается с разделения означаемого и означающего, а значит, с процесса удвоения, появления внешнего, «экстериорности». Репрезентация отождествляется у Лиотара с порождением объема и мыслится как синоним включения произведений искусства в капиталистическую систему ценностей,

1. *Lyotard J.-F. Discours, Figure. P.: Klincksieck, 1971.*

2. *Lyotard J.-F., Chaput Th. Les immatériaux (Catalogue d'exposition). P.: Centre Georges Pompidou, 1985.*

где они выступают как товары (выполненная по правилам репрезентации картина хорошо продается). Переход в трехмерное пространство, появление глубины неотделимо от конвертации либидинальной энергии в товар. Наиболее показательным диспозитивом, матрицей репрезентации как таковой является театр. Перспектива в живописи, музыкальная тональность или письмо построены по театральной модели.

Неудивительно, что политическая революционность мыслится Лиотаром как преодоление репрезентации. Предкапиталистическое пространство — это пространство плоскости, коллективная кожа, по которой циркулируют интенсивности. Именно с этих позиций Лиотар критикует «Анти-Эдипа» Делёза и Гваттари: разделение тела на части, тело без органов, о котором они ведут речь, не является достаточно радикальным разрывом с капитализмом, поскольку все же не означает разрыва с репрезентацией, а всего лишь подменяет один тип репрезентации другим. Авторы «Анти-Эдипа» не пытаются достичь некоего дна репрезентации, нулевой степени означивания, но подменяют одни экономические категории другими, восстающими против них, подрывающими старье. Однако, по Лиотару, неверно приравнивать капитализм к деспотизму, эдипову комплексу и т. д., как это делают Делёз и Гваттари: принцип капитализма заключается не в привязке к определенному месту, а в обмене и замене, эквивалентности, конвертируемости, в возможности «значить за» (*valoir pour*) — иначе говоря, в репрезентации³. Некапиталистическая экономика, как ее понимает Лиотар, является нулевой степенью обмена, экономикой без инвестиций и прибыли, экономикой чистой траты: так ребенок жжет спички не для чего-то, а «просто так», созерцая бесполезный процесс горения. Впрочем, упрек в несвободе от репрезентации может быть с легкостью адресован и самому Лиотару: «Либидинальная экономика» пользуется означающим и не порывает с репрезентацией, всего лишь предлагая иную ее модель.

Безусловно, эта книга является крайней точкой, своеобразным левым краем его философии. Мысль раннего Лиотара находит здесь завершение точно так же, как находит завершение период политического брожения в студенческой среде того времени. Апология иррациональности не стала долгосрочным проектом автора, постепенно дрейфующего в сторону проблематики культурного плюрализма и «постмодернизма». Позже, в «Распре», которую

3. Lyotard J.-F. Capitalisme énergumène // Les dispositifs pulsionnels. P.: Galilée, 1994.

Лиотар считал своей основной «философской книгой», проблема «некодируемого» будет сформулирована как ситуация невозможности трансляции культурных значений, как тупик «межкультурного диалога»⁴.

Следует сказать, что зажигательный политический потенциал «Либидинальной экономики» вряд ли следует переоценивать. Основной интерес этой книги сегодня состоит в том, что она является прекрасным документом своего времени, без которого картина французской философии 1970-х годов не полна.

У отечественного читателя появилась прекрасная возможность заполнить эту лакуну, ознакомившись с книгой в переводе Виктора Лапицкого, зарекомендовавшего себя серией других переводов из французской философии. Эта наименее академическая книга Лиотара представляет собой нелегкую литературную задачу для переводчика, с которой он прекрасно справился. Хотя некоторые термины можно было бы перевести иначе⁵, по-русски книга хорошо читается, нет препятствий к пониманию текста. «Либидинальная экономика» в переводе Лапицкого — это обязательная книга для всех русскоязычных читателей, желающих понять логику развития французской левой мысли 1970-х годов.

Денис Скопин

4. *Idem. Le Différend*. P.: Minuit, 1983.

5. Например: «...понимая боль как двигатель театральности, Фрейд сообщает ей метафизическую обоснованность негатива и тем самым становится жертвой этой театральности, ибо разъединение и трещина мучительны только в представлении с унитарным призванием» (47). Речь, конечно, идет о гегелевском «отрицании», «негативном» или «негативности», тем более что далее следует рассуждение о диалектике. Лиотар говорит о пространстве без негативности, запускающей диалектический процесс перехода во внешнее. Иными словами, он пытается помыслить недialeктическое пространство чистого утверждения, пространство без внешнего, подобное ленте Мёбиуса.